

Василий Иванович Немирович- Данченко

Поход титанов

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#3)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Поход титанов**

Наш отряд был уже внизу.

Точно на гранитной ладони, приподнятой к самому небу, белел на казавшейся недосягаемую вышине аул Салты...

Генерал пристально и озабоченно всматривался туда и пожимал только плечами...

— Эк, негодяи какие! — вырвалось у него. — Выдумают же, право... На какие вышки взбираются... Поди, достань их...

Лучи солнца в это мгновение из-за облака золотистой полосой обдали слепившиеся сакли.

— Достань-ка!..

— Никто, как Бог! — отозвался позади начальник штаба.

— Бог... На Бога надейся... — оглянулся генерал.

— И сами не плошаем, ваше превосходительство. Не в первый раз за такими гнёздами лазить... Я уже говорил с этим пленным солдатом.

— Ну?.. Степан Груздев, кажется? Что же он?..

— Да у него логика простая... «Коли, — говорит, — я оттуда слезть мог, так влезть нам

оченно даже способно»...

— Способно!.. А потери?.. Не на его душе они будут...

— Где же их не бывает? На то война... А всё-таки завтра — конец Салтам...

— Достукайтесь до них сначала... Хотя... Салты падут, — всё кругом покорится... А устоят, — так и нам конец, и Брызгалову с амурцами — вечная память! Коли бы крылья были, тогда и я бы не сомневался...

Начальник штаба знал, что смелый и решительный в бою генерал накануне переживал всякие страхи. Полковник поэтому только улыбался себе в усы. Тот это заметил и недовольно насупился.

— Чего вы там... Надо мною, что ли?

— Никак нет, ваше превосходительство... Помните, когда мы муллу Кадура брали?

— Ещё бы не помнить... В самое небо разбойник забрался...

— Ну, так мы его и оттуда стащили...

— Стащили... Ну, Бог с вами... Идите, отдохайте пока!..

Но сам он успокоиться никак не мог. Он пошёл по биваку, сосредоточенно вглядыва-

ясь в лица солдат и точно читал в их чертах, что ему и им обещает загадочное «завтра». Салтинцы по всему Дагестану славились необычайною стойкостью и храбростью. Шамиль их называл «воинами пророка» и «опорою газавата». Сами салтинцы про себя говорили, что они — замок Дагестана... Ключ к нему был когда-то, но его Аллах взял в сады Эдема и спрятал там. И пока Аллах не бросит его своему избраннику, до тех пор никому не удастся отпереть замок. Когда персидский шах воевал Дербент, он послал лучших воинов к Салтам, но те, увидев гордо сидящий на вершине гор аул, вернулись...

— Пошли птиц брать Салты, — сказали они шаху, — людям это сделать невозможно!

Так и уцелели Салты среди всеобщего погрома... «В Салтах всякая девка стоит трёх джигитов», — говорили здесь, потому что на такой выси и в таком хаосе камней, действительно, женщина, вооружённая ружьём, заменяла нескольких мужчин. В бинокль генерал видел, что в этом орлином гнезде каждая сакля является крепостью. Все они были башнями. Вместо окон — прорезанные в их сте-

нах бойницы грозно смотрели всюду, куда только мог добраться враг.

— Ведь, как строятся, как строятся! — взды-
хал генерал. — Ни одного подступа, который
не обстреливался бы с пяти-шести пунктов.
Ну, будет дело! А мечеть — целая крепость.
Знали, куда забраться! Знали... А всё-таки мы
им включим шерсть завтра! — совершенно
неожиданно для себя, бодро и весело прогово-
рил он.

— Расчешем мы их, а? — неожиданно обра-
тился он к ближайшему солдату.

— Рады стараться, ваше превосходитель-
ство!

— Так расчешем, — а?

— Точно так-с. И без гребенки, ваше пре-
восходительство.

— Где тут Степан Груздев?.. Послать его ко
мне!

Но посылать не надо было. Старик оказал-
ся около.

Он весело и радостно смотрел на всех и
только сквозь слёзы повторял:

— Голубчики, братцы! Двенадцать годов
как один день... Думал уже век свековать

здесь...

— Здравствуй, молодчинище!

— Здравия желаем вашему превосходительству!

— Рад тебя видеть... Экой орёл! Сколько тебе лет?

— Пятьдесят три...

— Ну, вон как... Долго ты был у них? — вскинул он бровями наверх по направлению к Салтам.

— Двенадцать лет.

— Как тебе жилось?

— Ничего... Народ глупый, а только хороший... Храбрый народ... Ну, и точно, что без пути не обижали... Сами едят и мне дают... Ласковый народ... Мулла только... Он у них всему заводчик... Коли ихних муллов изничтожить, и бунту конец...

— Много ли у них осталось джигитов?

— Настоящие все, ваше превосходительство, на газават пошли. Шуму у них тоже было! Ну, а на селе остались старые, которые... А только драться будут всё равно, что молодые... И девки ихние за ружья возьмутся.

— Ты все пути туда знаешь?

— Точно так, ваше превосходительство!

— И проводить отряд берёшься? Ну, Степан Груздев, сослужишь службу, — я тебя к Георгию с бантом представлю... О деньгах говорить нечего... За все двенадцать лет получишь...

— Дозвольте мне только в ряды...

— Что такое?

— Как доведу отряд, дозвольте в строй... Что ж я, старый солдат, смотреть буду, как молодые дерутся!..

— Ну, хорошо... Спасибо тебе, старик! Покажи-ка молодым, как при Ермолове мы в горы хаживали...

— Рад стараться!

Степан Груздев пошёл к ротному котлу. Целый вечер он был молчалив и ни слова не отвечал на расспросы товарищей. Он обдумывал, как бы лучше подступиться к Салтам, перебирал в памяти все тропинки туда... Лошадей, которые везли орудия, надо было оставить внизу. Им бы не повернуться с пушками на узеньких карнизах... А орудия были необходимы. Степан понимал, что без них не разнесёшь горного гнезда... Он опять пошёл ту-

да, где, по его расчёту, должен был генерал. На счастье Груздева, тот, действительно, вышел из палатки и в бинокль смотрел на горы кругом... Закат огнём обдавал занёсшиеся в поднебесье аулы... Салты точно из одного куска коралла, розовели на самой маковке крутого утёса... Лагерь стихал, и теперь внизу слышался только шум воды да тихий говор листвы. Ветерок медленно струился по ущелью, точно перешёптывался с каждым платаном, пересчитывал, все ли ветки целы у карагача, и срывал лёгкие лепестки с «ночных красавиц»...

— Здорово, служба! Ты ко мне? — заметил, наконец, Груздева генерал.

— Точно так, ваше превосходительство!

— Что надо?

— Насчёт орудий. На конях их неспособно будет... Надо на людях.

— Зайди ко мне в палатку, старик!

Уже ночь наступила. Запад гас... С востока синяя темень тихо-тихо надвигалась на весь этот горный край. Салты ещё светились на высоте будто жертва, обречённая смерти! В ущельях становилось сыро... Белые туманы

вставали со дна долин и точно гигантские привидения поднимались, широко распуская складки своих одежд и рукавов над падыями и тущобами Дагестана. Беззвёздная, точно слепая ночь... Вверху — в аулах люди видели яркие очи неба, — здесь, внизу мгла заслоняла их... Именно слепая ночь подкрадывалась к биваку, и только жёлтые пятна костров разгоняли её мрак... На окрестные холмы выставили часовых... Секреты выдвинули в горы... Каждую минуту надо быть начеку. Самые опасные места кругом... Сердце Дагестана билось тревожно... Спать приходилось в полглаза... Далеко-далеко раздавалось печальное и протяжное «слушай!» — раза два в ночь где-то вспыхивали выстрелы и снова гасли... Что-нибудь подозрительным шумом обманывало секреты!.. Тишина не нарушалась даже говором водопада вдали. Он стал глуше теперь, точно и его испугало что-то зловещее, носившееся над лагерем.

К утру костры погасли.

Сырость проникала до костей... Солдаты напрасно кутались в шинели.

— Ну, и сторона! — вздыхали проснувшие-

ся.

Как только первые лучи рассвета зажгли каменные алтари дагестанских вершин и сверкнули на серебряной чаше Шахдага, — в ущелье резко и звонко запела труба горниста... Сигнал был подхвачен барабанами... Груздев вышел из палатки, где спал, и перекрестился на восток... Он смотрел именинником... Солдаты живо подымались... Кашевары хлопотали у вновь разложенных костров. Надо было теперь накормить всех. Неизвестно, когда ещё придётся отряду варить горячую пищу. Салты вверху сияли и сверкали... Они казались так близки!.. С глиняными верандами, висящими над пропастями, с белыми башнями саклей, с серыми стенами кругом... Ни один дымок оттуда не поднимался в синее-синее небо. Ни в одном дворе горцы сегодня не топили печей... Ждали врага и готовились к бою. Через два часа отряд выстроился... Степан Груздев пока был впереди. Лицо его носило радостное выражение. «Сподобил Господь милостивый своим послужит!» — говорил он про себя, широко крестясь на небо.

Казалось, — никогда ещё солнце юга не

пекло так как сегодня. На первом подъёме солдаты уже обливались потом, а было ещё утро... Безоблачное небо с каждым часом раскалялось всё больше... Скалы, не остывшие за ночь, жгли людей, прислонявшихся к ним. Тщетно было искать спасения в тени! Под защитой пылавших жарою утёсов парило, дышалось тяжело. Глаза слепил этот страшный блеск кругом. Невыносимо горели вершины, сияли гладкие точно отполированные поверхности камня, отражавшие солнце как зеркала; пылали зигзаги тропинок по горам, и беспощадно лучились небеса. Даже в их тёмной глубине взгляд не находил отдыха. Оттуда, из неведомых бездн, лилось, казалось, ещё более яркое сияние другого, несравненно более ослепительного солнца... Медь орудий накалялась так, что, подхватывая их, чтобы они не рухнули в пропасти, солдаты обжигались... Штыки впереди искрились, точно пламя падало на их острия с этих чистых сегодня высей. Зелень деревьев никла, — и её объял какой-то стихийный, во всей природе разливавшийся ужас. Тише роптали горные потоки. Вода их была тепла, и аспидное дно из-под

золотистых струй сверкало и блистало какими-то чёрными, отражёнными лучами. Кони — они тащили пушки до первого подъёма — выбивались из сил... Тишина стояла кругом. Нигде не было завалов и засад. Всё наличное население Салтов собралось в ауле и на ближайших подступах к нему, над узенькими тропками и лестницами... Солдатам иной раз казалось, что вместе с воздухом они вдыхают пламя — так был зноен и сух воздух. Неистово из теснин и рвов благоухали цветы, одуряя людей... Голова кружилась от этого аромата. Кровь стучала в висках... Всё млело, всё изнемогало... Вдали, в целом океане солнечного огня чудились какие-то миражи, но глаза невольно слипались прежде, чем различали их контуры... Где-то далеко-далеко прозвучал выстрел, и опять зловещая словно что-то подстерегающая тишина... В авангарде люди идут налегке, — им ещё сносно, но главная часть отряда и арьергард едва одолели первый доступ... А там ещё отвеснее и ужаснее поднялась перед ними горная стремнина.

— Неужели сюда? — спросил Груздева старый солдат, шедший около.

— Это ещё что. Это ещё полгоря, а настоящее горе будет дальше...

— Господи, спаси!.. — перекрестился тот. — Ну и вышка... Разбойничий народ... Ему бы как кречету, — всё на припёк, да на припёк, к небу поближе, а от людей подальше. Потому, разве они, азиаты эти, живут? Не живут, а хронятся. Поди-ка, сними его с вешалки!..

Тут отдохнули недолго... Коней отпрягли. Наши лошади не выдержали бы этого взлёта. Да и на его узинах коню бы не справиться с орудиями... «Ну, ребята, — выручай!» — крикнул генерал, и послушные артиллеристы схватились за гужи. Скрипя лафетами, звеня медью дул об углы и выступы горной породы, двинулись орудия. Страшно было смотреть на солдат после нескольких минут этой нечеловеческой возни. Ни на ком лица не было. Тут едва у самих ноги помещались на невообразимых зигзагах карнизов, а надо было ещё тащить и поднимать орудия. Там, где лафеты не помещались, и зарядные ящики колёсами висели над бездной, под эти колёса, чуть держась на изломе камня, ложились на спину люди и, упираясь руками в лафеты и ящики,

подвигали их вперёд до более широких площадок. Слезы стояли в глазах старых, испытанных солдат... Тут ещё до встречи с врагом смерть грозила на каждом шагу... И не только грозила... Вон один не удержался на ребре утёса и полетел вниз, как-то перекидываясь и вертясь в воздухе... Скоро уже не видать, — пар, стоявший внизу над бездной, поглотил несчастного... Точно жадная пасть чудовища дымилась эта пропасть. Пушка, лишённая таким образом опоры снизу, со звоном и скрипом сбилась было вниз. Вот и она уже висит над бездной. Но из последних сил надрываются солдаты, другие пробираются к ним и схватываются за гужи... Страшно наливаются кровью лица, глаза выкатываются, шнурками натягиваются жилы... Кажется, ещё мгновение, — и мускулы изорвутся как перетёршиеся верёвки... «Вызволяй, братцы!.. Держи»... Чу! — с треском лопается один гуж... Пушка ещё ниже опускается, и схватившийся за конец этого гужа солдат тоже летит в жадно-раскрытую пасть дымящейся бездны... Но другие рванулись и разом вытащили орудие... Только молодой новобранец впереди не

осилил работы... Рухнул вниз — лицом в накалившийся камень тропинки. Рухнул — и недвижим. «Лекаря»... — отзываются где-то позади... Проходят минуты... Бледный и встревоженный молодой врач пробивается вперёд... «Где, где?» — спрашивает он. А видимое дело и самому жутко. Голова кружится... Ноги точно скользят и в бездну тянут... Ему чудится, что каменная тропа из-под него убегает туда, и он схватывается за выступы утёса, за колесо орудия...

— Где, где?..

— Здесь, пожалуйста...

Он быстро приходит в себя... Наклоняется... Через минуту встаёт.

— Готов... Разрыв сердца... Тут мне делать нечего...

— Помер? — тихо спрашивает старый солдат. — Помер?..

— Да... Сердце слабо было...

— Не осилило... Натуги-то... Ах, племяш-племяш... Племянником мне он был, — сестрин сын... Ну, прощай, Андрей... Авось и мы здесь не заждёмся, — встретимся скоро!..

И он крестит его, а на седые усы надают

предательские слёзы... Но двигаться дальше нельзя — труп мешает... Снести его тоже некуда, — налево — отвес, внизу — обрыв...

— Со святыми упокой! — шепнул солдат. — Прости, Андрей...

Тихо поднимают его тело... Придвигают к излому отвеса... Лёгкий толчок, и оно головой вниз с разбросанными руками летит в ту же общую могилу...

А отряд уже двинулся дальше, и солнце играет впереди на остриях штыков и жжёт суровые, изнеможённые лица.

Вышли на площадку и рухнулись, едва отводя усталь.

— Да разве нет другого подъёма? — в отчаянии подходит генерал к Груздеву.

— Есть, ваше превосходительство. Только неспособный.

— Неужели хуже этого?

— Нет, там пошире... И путь лучше.

— Что же ты там не ведёшь!

— Нельзя, ваше превосходительство. Там ни одному живым не дойти. Я так смекаю, — здесь неоткуда салтинцам стрелять, нет ему способного места приложиться. Куда он спря-

чется? Везде откос, да откос. В воздух пули пу-
щать он будет?.. А там малый ребёнок весь от-
ряд удержит... Там бы пол-отряда осталось, а
то и не дошли бы. Потому я и повёл тут.

— Трудно! — вырвалось у начальника от-
ряда.

— Точно так-с, ваше превосходительство.
Трудно. А только дойдём... Как не дойти! Коли
приказано...

Генерал посмотрел в глаза Груздеву и пе-
чально отвернулся. Стало стыдно чего-то.
Этот простой солдат спокоен, а ты, приказыва-
ющий, волнуешься... «Коли приказано!..»

— Коли прикажут, и на небо взлезем, —
слышится позади.

— Спасибо, ребята! — сквозь слёзы, но уже
весело благодарит их генерал.

— Рады стараться...

— Правда ваша. С таким орлами — и на
небо взлетишь...

— Жарко только, а то отчего не взлететь...

Отсюда орудия везла вторая смена... Зной
становился всё яростнее и яростнее. Солнце
уже не просто жгло, — оно разило лучами...
Оно бросалось ими как молниями...

— Братцы, — вода есть около! — крикнул Груздев.

В отвесе трещина, засыпанная обломками скал. Двинулись по ней... В глубине что-то булькает, точно малый ребёнок всхлипывает... Тонкая струйка воды падает сверху в щель и сочится под ним. Тотчас же она зазвенела в манерки. Люди пили и головы подставляли, но несколько шагов, — и от влаги не оставалось следа. Солнце сушило голову, руки и шею. И тут солдаты находили возможность шутить... «Чудесно здесь прачкам! — засмеялся один. — И верёвки завязать не успеет, а бельё уж и сухо!..»

Но ждать долго нельзя было.

Авангард уже втянулся в узкую щель между двумя отвесами... Тут тропинка шла неровными ступенями. Опять зазвенели орудия... Натянулись гужи, люди справа и слева, исходя в смертной натуге, подпирали плечами и спинами тяжёлые пушки... Вверху узкой лентой голубело небо. В этой щели не так жгло, но солдаты задыхались, потому что воздуху не хватало для дыхания. «Уж лучше пуцай солнышко палит!» — думали они, и, когда

цель вдруг из теснины вывела на широкую площадку, все вздохнули свободнее.

— Вот они, Салты-то!.. Мы и на ладонь не подвинулись к ним!

Действительно, белые, скучившиеся башнями сакли аула были так же далеки... Зато перед солдатами горная страна раскидывалась во все стороны отсюда. Целая перепутанная сеть синих ущелий, серых отвесов и сверкающих вершин... Аулы за аулами на них...

— И всё немирные? — спрашивает у Груздева сосед.

— Известно... Азиаты!.. Возьмём да изничтожим Салты, — и они покорятся...

— Дай-то Бог... Потому, ежели каждую вышку одолевать так, — силы не хватит.

— Одолеем... Чего тут... А только те держаться не будут...

— Помогай, Боже!..

Нельзя даже приблизительно описать всю страшную тяжесть этого подъёма. В письмах старых кавказцев встречаются урывками подробности таких походов, но офицеры того времени были немногословны, да и значения не придавали раз оконченному делу. «Гос-

подъ помог! — кратко выражались они. — Господь помог, — а начальство приказало»; вот и всё, — и не останавливались более на героических подробностях горной войны, в которой сражения были только бледными страницами общей дивной эпопеи... Автору помогло в описании этих подвигов то, что ещё ребёнком он рос в этой среде. Часто возвращавшиеся из походов его отец и офицеры, под живыми впечатлениями, передавали эпизоды недавно пережитых экспедиций и набегов. Поэтому, так ярко и выпукло в его памяти, во всём блеске детских впечатлений, воскресают эти забытые уже люди-титаны, умевшие побеждать стихии и не знавшие, что значит «невозможность»... Их простые и спокойные лица — въявь грезятся ему — с нелицемерным удивлением встречавшие недоверие к себе, потому что всё совершённое казалось им такою простою и будничною вещью, о которой и говорить-то не стоило. «Что ж, — служба!» — кратко выражались они, и действительно, то, что обыкновенной, человеческой логике, казалось невероятным, неисполнимым, по кавказскому выходило и

возможным, и даже не особенно трудным... Нигде до такой степени не была развита дисциплина в боевом товариществе и товарищество в боевой дисциплине как тут. В обыкновенное время уничтожалась вся разница чинов и положений, но раз начинался поход или бой, — кончено. На смерть шли без рассуждений и умирали без упрёков. Приказ исполнялся свято, и вчерашний товарищ сегодня делался вернейшим орудием своего начальника... Это было истинное рыцарство, братство по оружию — и в мрачные, пережитые Россией времена, кавказская армия представляла в этом отношении едва ли не единственную светлую полосу тогдашней жизни.

В трясилах и щелях салтинского подъёма — от генерала до офицера все брались за гуж в буквальном смысле слова и тянули орудия, и никто не жаловался на то, что не дюж... Страдали молча и братски. Раз было решено, что орудия необходимы, и без них Салтов не одолеешь, — их надо было вознести на эту гордую и грозную вершину. Но и перед героями бывают неодолимые на первый взгляд препятствия. Изнемогая от зноя и устали, сол-

даты остановились, наконец, перед таким: дорогу им перегородил узкий ров... Люди могли его перейти, но пушек перетащить было нельзя.

— Груздев, что это?.. — остановился генерал. — Ведь нам назад придётся!.. — и такое отчаяние прозвучало в его голосе...

Степан как вкопанный замер над неожиданною преградой. Он бессмысленно смотрел в неё и, видимо, ничего не понимал.

— Это... это... — растерялся он. — Этого не было. Сколько я ходил здесь. Первый раз в бега ударился тут же, а рва не было... Это не иначе как ливнем смыло. Ливнем и есть... Ишь, по бокам видать, как вода рыла...

Отряд остановился... На ту сторону перекинулись солдаты.

Пушки, — если бы они здесь повисли на гужах, — оборвали бы их, и, рухнув, искалечились... Отряд не мог передать через овраг ни одной... Камней около тоже не было, чтобы засыпать его... Стены кругом стояли, точно отполированные.

— Что ж, братцы... — глухо проговорил седой солдат. — Надо!.. Присягали Богу и царю...

Соседи воззрились на него, но видимо ничего не понимали.

— Помолитесь за меня... Сорок лет прослужил верой и правдой, — пора и помирать на службе... Всё одно — никого у меня!

Он широко перекрестился и сделал земной поклон.

— Господи, прими мою душу!.. В руке Твои предаю. Прости мя.

И он решительно сошёл вниз и лёг поперёк рва...

У всех захолонуло сердце, но пример его не остался без подражания...

Ещё трое таких же исконных Ермоловских служак сделали то же — и легли на первого спинами вверх.

Благоговейное молчание царило кругом. Солдаты про себя молились за обречённых товарищей и, сняв шапки, стояли вокруг этой ямы, которая сейчас должна была стать могилою для героев.

— Господи, спаси!..

Также без шапок — перекинули они гужи орудий на ту сторону, там подхватили... Перетянули ими себе груди, натужились, нахло-

нились вперёд... С мягким шорохом колёса лафета врезались в живой помост... Послышался глухой стон, хруст... Ещё и ещё...

— Господи! — вздохнул снизу солдат...

Кровь брызнула под гнётом медного чудовища из его тела... Послышался звук ломавшихся костей... И так же тихо орудие выползло на противоположную сторону... Безмолвно крестились солдаты, отведя его дальше, а на их место другие, чуть не жмурясь, уже по телам умиравших товарищей переходили с грузом нового орудия... Оно тоже колёсами врезалось в живых, чувствовавших страшную боль людей и перекатилось на ту сторону. Молодой врач стоял около и ничего не видел, — слёзы застилали ему глаза... Когда перевезены были все орудия, лежавший наверху солдат был уже бездыханен... Спинной хребет его был изломан. Внизу — умирали тоже... Тихо вынесли их солдаты и положили в тень... Истерзанные, полные страдания лица уже без сознания смотрели и не узнавали никого!

— Горит... горит! — схватился один из них за грудь.

Потянулся... Хотел глубже вздохнуть и

вдруг раскинулся недвижно. Только по лицу его бежало отражение чего-то нездешнего.

— «Со святыми упокой»... — проговорил кто-то.

Тихо склонили колени солдаты и земно поклонились умершим товарищам.

Самоотвержение их спасло отряд.

Лёгок им будет страшный суд Господень, и без страха великие в простоте души их предстанут перед дивным Его престолом... Не надо им молиться... «Нет выше сия любви, да кто жизнь свою положит за други своя»... Ветер горный просит за них, тучи плачут над ними... Зачем им, этим бесхитростным угодуникам и мученикам земли русской, кресты и могилы? Счёт им ведёт Сам Бог, и ими держится наша родина многострадальная!

Долго ещё шли без шапок солдаты, как вдруг за одним из поворотов перед ними разом выросли уже недалёкие Салты, и не успели показаться первые люди авангарда, как в них из-за скал, утёсов и камней, перегородивших путь, брызнуло горячим свинцом залпа.

Но это уже было нестрашно.

Только что пережившие смерть своих пра-

ведников, солдаты не ждали команды, — они бросились сами в штыки даже без крика «ура», который нарушил бы благоговейную тишину их сердец, и выбили из первого завала горсть засевших туда салтинцев.

— Не трожь, не трожь! — крикнул Степан Груздев, заметив, что острый штык уже направился в грудь его хозяина Гассана.

Тот лежал, сброшенный ударом приклада, и только хмурился, ожидая смерти...

— Ён добёр был. Пусти его! Ён меня в обиду не давал. Вставай, Гассан, — и он заговорил с ним по-лезгински. — Говорил я вам, дуракам, чтобы не бунтовали... Эх, ты, гололобый... Вот теперь от ваших Салтов и хвоста не останется... Раз уж мы дорвались, — не жить аулу...

— Кто это? — подошёл генерал.

— Хозяин мой... Гассан... Из здешних дураков, ваше превосходительство! Добёр только... Уж я его прошу себе, — за мою службу... Он за нас стоял. Говорил им, что с нами плохое дело вязаться!

Гассана кто-то добродушно ткнул в бритую башку.

— Ступай в арьергард... Небось, — не тро-

нут теперь...

Но тот присел, — пугливо озираясь.

Груздев взял его за руку, повёл и сдал позади «на хранение».

— Ты небось, старик! Я твою хлеб-соль помню и Селтанет спасу... Девка добрая, пушай её дышит. Она меня тоже никогда не обижала...

А впереди наши уже дрались на второй линии завалов.

За камнями мелькнула рыжая папаха, другая... Показались дула ружей. Наши не ждали выстрелов и опять в штыки... Несколько стариков легло под ними...

— Да где же у них настоящие джигиты? Тут всё крашеные бороды одни!

— Сказывал я, — все помоложе на газават ушли... Только вы, ваше высокоблагородие, не извольте беспокоиться, — и старики с ихними бабами чудесно драться будут...

Из-за стен аула слышался гул.

В бойницах показывались дымки выстрелов, но они на таком расстоянии не были страшны. Сами салтинцы сознали это и перестали стрелять. На вышку минарета вышел

будун и громко пропел свой намаз на весь аул... На плоских кровлях его разом склонили колена лезгины. Близость неприятеля не заставила их забыть молитву.

— Хороший народ! — одобрили их солдаты. — Своего Бога завсегда помнят.

Генерал подозвал пленного Гассана и предложил ему пойти в аул и убедить салтинцев принести повинную.

Гассан покачал головой.

— Что он говорит? — спросил генерал у переводчика.

— Отказывается. Он говорит, что души их принадлежат Аллаху и в рай пойдут сейчас, а тело — земле и в землю уйдёт... Он не может и передать своим предложения покорности, потому что его убьют. Да он и не стал бы передавать, — напротив, как старик, которому нечего уже бояться смерти, он бы убеждал их умирать, как следует по заветам тариката... Он говорит, что до газавата он был против войны с русскими, но раз она началась, — и рассуждать нечего, надо драться!

Гассан опустил голову. Поза покорности, принятая им, не соответствовала энергии и

отваге его ответа.

— Значит, передай ему, к утру от Салтов не останется и развалин...

— Кысмет!.. Судьба! — тихо проговорил Гассан.

1902